

Сирано де Бержеракъ.

Героическая комедія.

Эмона Ростана.

Герой комедіи Ростана—одинъ изъ тѣхъ немногихъ, но всегда глубоко несчастныхъ людей, на долю которыхъ выпадаетъ высокая честь быть лучше и умнѣе своихъ современниковъ. Чѣмъ выше надъ толпой поднимается голова такого человѣка, тѣмъ больше ударовъ падаетъ на эту голову.

Эркуль Сирано де Бержеракъ, бѣдный дворянинъ изъ Беарна, родины Генриха IV, былъ „комическимъ авторомъ“—звание, которое носилъ и Мольеръ, современникъ Сирано, много позаимствовавшій у него для своихъ безсмертныхъ комедій. Въ то время—въ первой половинѣ XVII-го вѣка,—немного было такихъ людей, какъ Сирано, его другъ Теофрастъ Ренадо, человѣкъ, издававшій первую въ свѣтѣ газету, Баро, авторъ безчисленнаго количества пьесъ, осмѣивавшихъ придворные нравы, посаженный въ Бастилію кардиналомъ Ришелье за смѣлую шутку надъ „Магометомъ“, трагедіей его преосвященства. Всѣ эти люди были смѣлыми людьми—у нихъ въ крови было стремленіе къ самостоятельности, къ независимости,—это стремленіе дорого стоило въ то время. Каждый вельможа-феодалъ имѣлъ въ своей свитѣ—„поэта“, и этотъ „поэтъ“ былъ, разумѣется, скоморохомъ для придворной знати, былъ ихъ забавой—онъ былъ такой-же модой, какой у насъ во времена Екатерины были арапы и разные уродцы... Онъ долженъ былъ сочинять стихи на всѣ случаи въ жизни вельможи, воспѣвать его любовницъ, лошадей, друзей, его собакъ; онъ питался остатками отъ стола; иногда ему платили деньгами, иногда — пощечинами. Знать хвасталась талантами своихъ поэтовъ, какъ хвасталась красой своихъ коней и собакъ.

Сирано-де Бержеракъ, остроумный и блестящій стихотворецъ, отчаянный бреттеръ и забіяка, ѣдкій насмѣшникъ,—не могъ занять мѣсто придворнаго поэта и жилъ впроголодь, но независимый; оборванный, но свободный. Многие изъ вельможъ желали-бы имѣть его украшеніемъ своей свиты, но онъ гордо отказывался отъ ихъ предложеній.

Во второмъ актѣ комедіи Ростана Бержеракъ въ отвѣтъ на убѣжденія своего товарища Ле Брэ, поступить на службу графа де-Гишъ отвѣчаетъ:

„Но что же дѣлать мнѣ, скажи мой бѣдный другъ?

Иль подражать тому, что вижу я вокругъ,
Забуть объ истинѣ, звучащей благородно,
Не смѣлымъ быть орломъ, но низкимъ червякомъ,
И пробираться хитростью, ползкомъ

Тамъ, гдѣ хотѣль-бы вверхъ летѣть свободно?
О, нѣтъ! Благодарю!

Дрожать и спину гнуть,
Избравъ хоть низменный, зато удобный путь,
Забывъ о гордости и объ искусствѣ чистомъ
Съ почтеньемъ посвящать поэмы финансистамъ?
О, нѣтъ! Благодарю!

Отъ избранныхъ особъ
Глотать съ покорностью тѣму самыхъ глухихъ
бредней,
Простаивать часы въ какой-нибудь передней
О, нѣтъ! Благодарю!

... Въ салонѣ у маркизъ, прикинувшись буф-
фономъ
Ловить усмѣшечки съ восторженнымъ по-
клономъ

И услаждать капризный слухъ
Глухихъ, но чопорныхъ старухъ
И дамъ, изломанныхъ и чинныхъ,
Читая имъ стихи въ раздушенныхъ го-
стинныхъ?

... Бояться пропустить какой-нибудь визитъ,
Обдумывать слова, значенье позы, жеста
И, наконецъ, зажить какъ пошлый пара-
зитъ,

Добившись тепленькаго мѣста?

О, нѣтъ, благодарю! О, нѣтъ, благодарю!
Пусть лучше бѣденъ я, пускай я буду нищимъ—
Довольствуюсь своимъ убогимъ я жилищемъ,
Въ немъ я не уступлю, повѣрь, и королю,
Въ немъ я дышу, живу, пишу, творю, люблю!..
Да! Я существовать хочу вполне свободно,
Смѣяться, какъ хочу, смотрѣть, какъ мнѣ угодно
И громко говорить и пѣсней моей
Смущать враговъ своихъ и радовать друзей!
Не думать никогда о деньгахъ, о карьерѣ,
А повинуюсь дорогой химерѣ
Летѣть хоть на луну, всѣ исполнять мечты,
Дышать всѣмъ воздухомъ, гордиться всей сво-
бодой,

Жить жизнью одной съ волшебницей природой
Воздѣлывать *свой* садъ, любить *свои* цвѣты!
А если, можетъ быть, минуетъ часъ суровый
И муза, съ нѣжностью вручить вѣнокъ лавро-
вый,

Благодаря судьбѣ, благодаря-ль уму—
Побѣду, наконецъ, восторжествуетъ геній—
Всей дивной радости, всей славы упоеній
Всего—ты слышишь-ли?—добиться одному!

Ле-Брэ.

Добиться одному? Да, это все прекрасно...
Но только противъ всѣхъ бороться все-жъ на-
прасно!

Зачѣмъ себѣ враговъ повсюду наживать?
Какая странная манія!

Этотъ добрякъ Ле-Брэ не понимаетъ сча-
стья имѣть враговъ, ему недоступно наслаж-
деніе быть ненавидимымъ, онъ не знаетъ,
что кого многіе не любятъ—тотъ много
стоитъ... Сирано прекрасно знаетъ все это.

„А что-же?“—говоритъ онъ Ле-Брэ.

„Всѣхъ, какъ вы, друзьями называть
И, профанируя тѣ чувства дорогія,
Считать десятками излюбленныхъ друзей?
Нѣтъ! Эти нѣжности не по душѣ моей
Не выношу я лжи и мнѣ сказать приятно
„Сегодня я нашелъ себѣ еще врага!“
... Я не хочу любви! Да, это мой порокъ!
Не надо нѣжности! Я буду одинокъ!
Пускай вокругъ меня шипитъ и вьется
злоба.

Пусть ненависть меня преслѣдуетъ до
гроба

Я буду этимъ гордъ!

Думать такъ даже въ наши дни не при-
нято. Опасно думать такъ. Встать одному
противъ всѣхъ—кто это можетъ? За эту
дерзость въ лучшемъ случаѣ назовутъ Донъ-
Кихотомъ и посмѣются, но—вѣроятнѣе,—раз-
давятъ. Да, вѣрвуть сердце и, бросивъ въ
грязь растопчуть ногами. Де-Гишъ преду-
преждаетъ Сирано:

— Скажите—вы читали Донъ-Кихота?

Сирано.

Читаль...

Де-Гишъ.

И чтожь вы скажете о немъ?

Сирано.

Что шляпу снять меня беретъ охота
При имени его одною...

Де-Гийзъ.

Послушайтесь вы моего совѣта
И поразмыслите-ка вы...
На счетъ 13-ой главы.

Сирано.

Глава о мельницахъ...

Де-Гийзъ.

Глава полезна эта...

Да: въ битвѣ съ мельницей случается легко,
Что крылья сильныя забросать далеко:
Того, кто съ ней осмѣлится сражаться
Она отброситъ въ грязь!

— А вдругъ—за облака!?!—гордо восклицаетъ Сирано.

Сирано де-Бержеракъ—это личность, та самая личность, которая, говорятъ, не имѣетъ никакого значенія въ ходѣ исторіи, но которая, тѣмъ не менѣе, всегда можетъ ускорить движеніе жизни, если захочетъ этого. Какъ ко дну корабля въ соленыхъ водахъ моря пристають различныя морскія паразиты и, нарастая на суднѣ огромной массой, замедляютъ ходъ его среди волнъ,—такъ къ нашей жизни присасываются многообразныя предрассудки и, питаясь соками ея, духомъ челоука,—уродуютъ ее, мѣшаютъ ей идти свободно къ истинѣ и красотѣ. Борьба съ этими чужеродными наростами на тѣлѣ жизни, борьба съ пошлостью и глупостью людей, со всѣмъ, что не честно, не красиво, не просто—вотъ борьба, которую всю жизнь вель Сирано де-Бержеракъ, герой блестящей остроуміемъ комедіи Ростана.

Быть можетъ въ жизни Бержеракъ былъ не таковъ, какимъ является въ изображеніи умнаго французскаго писателя—что намъ до этого? Въ героической комедіи мы имѣемъ предъ собой беззавѣтно смѣлаго гасконца, языкъ котораго остеръ, какъ шпага, а шпага пряма и мѣтка, какъ языкъ. Мы видимъ предъ собою сумасброда, весельчака, который убиваетъ пошлость и глупость, воплощенную въ лицѣ маркиза Вальверъ,—убиваетъ ее, весело декламируя стихи. Сцена дуэли съ Вальверомъ—одна изъ лучшихъ сценъ комедіи. Вотъ она, эта „баллада о дуэли, которую имѣлъ поэтъ де-Бержеракъ съ бездѣльникомъ однимъ“.

Сирано (дѣлая то, что говоритъ въ стихахъ).

Свой фетръ бросая граціозно,
На землю плащъ спускаю я...
Теперь же—появляйся грозно
О, шпага, вѣрная моя!
Мои движенья ловки, пылки,
Рука сильна и вѣренъ глазъ,
Маркизь! Предупреждаю васъ,
Что попаду въ концѣ посылки...

(Обиты ударами шпаги)

Мнѣ жаль васъ! Гдѣ вамъ воевать?
Зачѣмъ вы приняли мой вызовъ?
Куда-же васъ пошпиговать
Прелестнѣйшій изъ всѣхъ маркизовъ?
Бедро? Иль крылышка кусокъ?
Что подцѣпить на кончикъ вилки?
Такъ рѣшено—сюда вотъ—въ бокъ
Я попаду въ концѣ посылки!
Вы отступаете? Вотъ такъ!
Бѣлѣ полотна вы стали?
Мой другъ! Какой-же вы чудакъ!
Ужель вы такъ боитесь стали?
Куда дѣвался прежній жаръ?
Да вы грустнѣй пустой бутылки!
Я отражаю вашъ ударъ
И попаду—въ концѣ посылки!

(Торжественно заявляетъ)

Посылка!

Молитесь, принцъ! Конецъ васъ ждетъ...

Ага! У васъ дрожатъ всѣ жилки?

Разъ... два... пресѣкъ... три... фінта...
(Ударяя шпалой въ бокъ маркиза).

Вотъ!

И я попалъ въ концѣ посылки!
(Кланяется падающему Вальверу).

Это красиво. Но, разумѣется, мало вѣроятно и, ей Богу, жаль, что не вѣроятно. Ибо лучше сразу убить человѣка, читая стихи, чѣмъ медленно и долго увѣчить его подъ звуки моральныхъ сентенцій.

Этотъ сумасбродъ гасконецъ любитъ людей, кто-бъ они не были. Онъ вступается за пьяницу Гижи; онъ, дворянинъ, въ товарищескихъ отношеніяхъ съ трактирщикомъ-поэтомъ Рагно; онъ цѣлуетъ руку продавщицы за буфетомъ театра почтительно, какъ руку знатной дамы и раскланивается съ нею, какъ съ герцогиней, благодаря ее за пирожокъ, который она даетъ ему, голодному. Въ XVII вѣкѣ такое отношеніе къ людямъ со стороны дворянина совершенно не обычно. Сорвавъ спектакль въ театрѣ и выгнавъ со сцены актера Манфлери, онъ вознаграждаетъ его товарищей, бросивъ имъ весь свой кошелекъ и самъ остается безъ копейки.

Ле-Брэ (говоритъ ему).

Ты будешь голодать!

Сирано (просто отвѣчаетъ).

Что-жъ? Надо все извѣдать!

Я долженъ знать—какъ тѣмъ, кто никогда не ѣстъ, живется на землѣ...

Но при духовной красотѣ—Сирано де-Бержеракъ—уродъ. Онъ любитъ и страдаетъ, ибо для него не тайна, что онъ-уродъ. На его смѣломъ лицѣ выросъ огромный, нелѣпый носъ. Де-Бержеракъ знаетъ, что женщина, которую онъ любитъ, не отдаетъ ему своего сердца. Вотъ какъ онъ жалуется другу Ле-Брэ на свой носъ. Ле-Брэ говоритъ ему:

Иди и вотъ съ такимъ же жаромъ

Ей про любовь свою открой.

Сегодня на ея глазахъ не даромъ

Ты вель себя какъ истинный герой

Сирано.

Ахъ не смотри на все сквозь розо-
вую призму,

Повѣрь, что этотъ носъ вредитъ и
героизму...

Да, другъ мой... иногда случается
со мной,

Что въ садъ какой-нибудь я забреду
весной...

Все тихо... Въ небѣ звѣздъ сверкаетъ
рой алмазный

И этотъ бѣдный носъ, огромный, бе-
зобразный,

Вдыхаетъ съ жадностью апрѣля аро-
матъ...

И странныя мечты вдругъ у меня
забродятъ...

Я вижу—парочки, обнявшись нѣжно
ходятъ

И залиты луной о чемъ-то говорятъ,
И упиваются сиренью...

Тогда я думаю: ужели и ко-мнѣ
Не суждено слетѣть такому упоенью?

Въ мечтахъ забудусь я... И вдругъ...
гигантской тѣнью

Несчастный профиль мой я вижу на
ствѣнѣ...

Прощай иллюзія! Я счастливъ былъ
—во снѣ!

И на этой канвѣ—на страданіяхъ красивой, благородной и пылкой души, заключенной въ уродливую внѣшность, на страданіяхъ благороднаго среди пошлости Ростанъ написалъ свою прекрасную, веселую и трогательную комедію, колоритную, остроумную вещь. Излагать ея содержаніе послѣдовательно я не стану: въ ней фабула—не

главное, главное въ ней—ея герой сумасбродъ-гасконецъ.

Вся пьеса на рѣдкость красива и остроумна. Какъ она переведена,—это видно по приведеннымъ обильнымъ выдержкамъ. И я не откажу себѣ въ удовольствіи привести еще одну, большую, сплошь сотканную изъ остротъ и ярко рисующую какъ характеръ героя, такъ и талантъ автора.

Маркизь Вальверъ хочетъ состричь надъ носомъ Сирано. Онъ дѣлаетъ это такъ: фатовато побоченясь, подходитъ къ гасконцу и говоритъ ему:

„Послушайте... вашъ носъ... вашъ носъ...
вашъ носъ... великъ ужасно.

Сирано (спокойно). Да, ужасно.

Вальверъ не находитъ ни слова еще и преглуно смѣется.

Сирано.

Какъ видите, я это перенесъ.

Что жъ дальше? Ничего? Напрасно.

Я откровенно вамъ скажу,

Вы... были не краснорѣчивы...

нѣтъ, не шутя, я нахожу,

Что лучше пошутить могли вы.

Все время измѣняя тонъ,

Могли не пощадить вы носа,

Могли сейчасъ со всѣхъ сторонъ

Коснуться этого вопроса.

Такъ, напримѣръ—задорный тонъ:

—О если-бъ носъ такой мнѣ данъ былъ про
видѣнемъ

То ампутаціи подвергся-бъ тотчасъ онъ...

Тонъ дружескій и съ легкимъ сожалѣнемъ:

—Навѣрно, вамъ мѣшаетъ пить вашъ носъ

И наполняетъ чашку вашу,—

Хотите закажу я вамъ большую чашу?

Тонъ списательный:—Да это такъ! Утесъ!

Мысль? Что я—не мысль, а полуостровъ цѣлый!

Тонъ любопытный и несмѣлый:

—Позвольте васъ спросить,—что это за предметъ
Чернильница или футляръ для вожницъ?

...Тонъ щеголя:—Ага! всегда поклонникъ моды

Я вижу изобрѣлъ ты вѣшалку для шляпъ...

Удобно, слова нѣтъ, и класть не надо въ шкафъ!

...А вотъ—наивный тонъ: прекрасный монументъ!

Когда для обзоренія свободенъ онъ?

Тонъ недовѣрчивый—Оставьте ухищренья!

Къ чему шутить со мной?

Отлично знаю я, что носъ вашъ наклейной!

А вотъ вамъ тонъ умильный:

—Какою вѣвѣской чудесною и стильной

Для парфюмера могъ вашъ носъ служить?

Почтительный—Давно-ль, позвольте васъ спро-
сить,

Вы этой башнею владѣете фамильной?

Осыпавъ маркиза градомъ своихъ остротъ,
Сирано заключаетъ свои урокъ нахалу:

Вотъ, сударь, чтобъ могли вы мнѣ наго-
ворить,

Когда-бъ хоть каплею разсудка обладали

И то—едва-ль:

Вы не сумѣли-бъ рта раскрыть

Какъ замолоти-бъ моментально.

Самъ надъ собой шутить я господинъ,

Но, если вздумаетъ другой шутить нахально,

Я замолчать его заставлю въ мигъ одинъ!..

Знать себѣ цѣну въ ту эпоху придворнаго
раболепства—крупное достоинство для че-
ловѣка. Знать себѣ цѣну всегда—хорошо бы
для cadaго изъ насъ, умѣть постоять за
себя—необходимо намъ, отчаянно необходи-
мо во дни холопства, растлѣнія духовнаго
теперь, когда достоинство человѣка цѣнится,
право-же, не выше, чѣмъ цѣнилось оно тог-
да, во времена де-Бержерака и Мольера,—
великаго Мольера, который принужденъ былъ,
пресмыкаться предъ пустоголовыми маркѣ-
зами. Въ героической комедіи Ростана есть
много уроковъ защиты своего я. Въ центрѣ
этой пьесы стоитъ гордая фигура храбреца-
поэта, стоитъ и громко, звучно поетъ:

— Дорогу гвардейцамъ гасконскимъ!
Мы дѣти одной стороны
И нашимъ коронамъ баронскимъ,
И нашимъ мечамъ мы вѣрны...
Дорогу, дорогу гасконцамъ!
Мы юга родного сыны
Мы всѣ подъ полуденнымъ солнцемъ
И съ солнцемъ въ крови рождены...

Это, знаете-ли, страшно хорошо—
рожденнымъ съ солнцемъ въ крови! Если
намъ, людямъ, кровь которыхъ испорчена
пессимистической мутью, отравляющими
отравляющими душу испарениями того бо
та, гдѣ мы киснемъ,—если-бъ въ насъ
кровь хоть искру солнца!

Но будетъ. Сирано де-Бержеракъ да
умеръ. Мы, къ сожалѣнію, живемъ... т. е.
вѣрнѣе,—мы все разсуждаемъ, какъ
жить. Въ этомъ вопросѣ—вся жизнь жи
щихъ сознательно... Безсознательно живущихъ
—болѣе счастливы въ сравненіи съ нами.

Послушаемъ, какъ умираетъ гасконецъ
Сирано,—это очень поучительно. Враги,
которыхъ онъ всегда желалъ и которыхъ
него было такъ много, разбили ему го
ловнымъ, не сумѣвъ проткнуть сердце
го. Это фактъ историческій. Онъ, Сирано,
мечталъ такъ

... Въ румяный часъ заката
Сраженъ рукою честнаго солдата
На полѣ битвы я хотѣлъ бы лечь,
А не больному подъ домашнимъ кровомъ,
И, принимая въ сердце острый мечъ,
Отвѣтить смерти острымъ словомъ.

Но его изувѣчили на улицѣ Парижа
1645 году и вотъ какъ онъ съ разбитою
черепомъ, въ которомъ уже помутился мозгъ
—встрѣтилъ смерть. Ему кажется, что
силы, среди которыхъ онъ прожилъ
жизнь, съ которыми боролся, собрались
идутъ на него. Выхватывая мечъ изъ
ноженъ, онъ кричитъ на встрѣчу имъ:

Что говорите вы, сойдясь сюда толпою
Васъ сотни? Тысячи? Стоите вы стѣною
Ага! Я узнаю васъ всѣхъ!
Вы—старые враги! Ты—ложь!
(Рубитъ мечомъ воздухъ).
Вы—предрассудки! Ты—подлость! —

А! Змѣи клеветы! Вотъ вамъ!
Чтобъ сдѣлся я? Оставьте шутки!
А, глупость, страшный врагъ! Вотъ, в

Я знаю, что меня сломаетъ ваша сила,
Я знаю, что меня жлетъ страшная могила
Вы одолѣете меня, я сознаюсь...
Но все-таки я бьюсь... я бьюсь... я бьюсь
И онъ рубитъ мечомъ, пока не падетъ
на землю мертвый.

— Ахъ какъ это не реально! Ахъ,
не правдиво!—воскликнуть люди съ ки
кровью въ жилахъ.

Да, это неправдиво. Но это красиво
умереть такъ лучше, чѣмъ умереть по
нятому обыкновенію, съ пузырькомъ
стурь въ рукѣ вмѣсто меча, со стономъ
ли на устахъ, вмѣсто крика гнѣва, съ
друзей, быть можетъ, огорченныхъ ваш
страданіями, но уставшихъ смотрѣть на
—желтаго, изсохшаго и жалкаго, — вмѣ
враговъ, радостно сопровождающихъ васъ
могилу...

Пьеса Ростана возбуждаетъ кровь,
шампанское вино, она вся искрится жизнью
какъ вино, и опьяняетъ жаждой жизни.